

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19

А. Л. Джордж
Калифорния, США

A. L. George
California, the USA

НАУЧНЫЙ СТАТУС ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОПАГАНДЫ

THE SCIENTIFIC STATUS OF PROPAGANDA ANALYSIS

15 декабря, 1954 г.

December 15, 1954

Перевод с английского О. В. Григорьевой

Translated by O. V. Grigoryeva

Аннотация. Перевод статьи, подготовленной для «Конференции по теории и методам контент-анализа», которая состоялась в феврале 1955 г. в Иллинойском университете.

Abstract. This is a translation of the article prepared for the Work Conference on Theory and Technique of Content Analysis, which was held in February 1955, at the University of Illinois.

Ключевые слова: контент-анализ; научное исследование; научное объяснение; исследования пропаганды; политическая лингвистика.

Key words: content analysis; scientific inquiry; scientific explanation; propaganda analysis; political linguistics.

Сведения об авторе: Александр Л. Джордж.

About the author: Alexander L. George.

Место работы: Стэнфордский университет.

Place of employment: Stanford University.

Сведения о переводчике: Григорьева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

About the translator: Grigoryeva Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Place of Employment: Nizhniy Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Контактная информация:

e-mail: olgagrigoryeva@mail.ru.

Метод контент-анализа был разработан для исследований пропаганды тоталитарных коммуникаций во время Второй мировой войны. Группа аналитиков из ныне не существующего подразделения Федеральной комиссии по связям (ФКС) предприняла попытку сформулировать выводы о стратегиях пропаганды и лежащих в их основе расчетах политиков в результате пристального наблюдения за немецким радио и связями с прессой. Работы аналитиков интенсивно изучаются в целях восстановления и утверждения научного статуса методов формулировки выводов, которые они применяли с большим успехом. Некоторые результаты этих исследований уже были опубликованы или выйдут в печать в скором времени.

Цель настоящей статьи состоит в попытке оценить научный статус этого специфичного применения контент-анализа. Автор надеется, что результаты данного исследования будут полезны ученым, заинтересованным в продвижении методологии научного анализа коммуникации и дальнейшей разработке метода контент-анализа для исследований политической сферы. Вероятно, знакомство с опытом аналитиков из ФКС поможет членам более крупного научного сообщества содействовать утверждению научного статуса метода контент-анализа и осознанию его прагматической пользы для политической сферы.

А. ТРЕБОВАНИЯ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

Базовую модель научного объяснения можно кратко охарактеризовать следующим образом.

Любое объяснение может быть сведено к двум основным составляющим: (1) объяснение явления; (2) объяснение самого объяснения. Объяснение содержит две части: (а) особые предшествующие условия и (б) общие закономерности.

Чтобы считаться адекватным, любое предложенное объяснение должно отвечать определенным логическим и эмпирическим условиям.

Существует три логических условия (ЛУ) адекватности:

ЛУ1. Подвергающееся объяснению явление должно представлять собой логическую последовательность объясняющих его тезисов (предшествующих условий и общих закономерностей), т. е. оно должно быть логически выводимо из информации, содержащейся в них.

ЛУ2. Объяснение должно включать общие закономерности, необходимые для того, чтобы логически вывести объясняемое явление.

ЛУ3. Объяснение должно включать эмпирическое содержание, т. е. по крайней мере в теории поддаваться проверке при помощи наблюдения или эксперимента.

Помимо этого, существует еще одно эмпирическое условие (ЭУ) адекватности.

ЭУ 1. Объяснение должно быть верным. Это означает, что определенные предшествующие условия и общие закономерности должны быть основательно подтверждены всеми доступными существенными эмпирическими доказательствами.

© Джордж А. Л., 1954

© Григорьева О. В., перевод на русский язык, 2011

Б. СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОРМУЛИРОВКИ
ВЫВОДОВ В КОНТЕНТ-АНАЛИЗЕ
С ТРЕБОВАНИЯМИ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

Как уже было сказано выше, в целях научного объяснения совершается попытка соотнести следующее: объяснение явления (Р), предшествующие условия (А) и общие закономерности (G). Эти элементы соответствуют следующему аналогу, характерным для контент-анализа:

Р = контентные характеристики; особенности контента, служащие в качестве «индикаторов» для формулировки вывода, которые выделяет аналитик, могут содержать синтаксическую характеристику знаков или же анализ их семантических компонентов (Большинство работ аналитиков ФКС основывалось на семантическом контент-анализе, что означало исследование значений слов, используемых пропагандистами.);

G = общий тезис, который создает возможность соотнести характеристики контента с некоторыми из предшествующих условий;

А = «условия» обозначенных характеристик контента, т. е. предшествующие условия, которые придали контенту специфичные характеристики, расцениваемые исследователем как индикаторы.

Проще говоря, чтобы сформулировать вывод в контент-анализе, нужно начать с известной Р и, учитывая G, придти к А. Следовательно, исследование в области контент-анализа больше похоже на научное объяснение, чем на научное исследование или научное предсказание. (*Научное исследование* обычно (хотя и не всегда) начинается с Р и А и приводит к G. Цель некоторых контентных исследований состоит в обобщениях, связывающих Р и А, которые впоследствии помогут сделать выводы. *Научное предсказание* начинается с G и А и приводит к Р (в некоторых случаях контент-анализ выдвигает предположения касательно конечного Р).)

Стоит задаться вопросом, насколько выводы контент-анализа отвечают требованиям научного объяснения.

1. Требование эмпирического содержания. Предшествующие условия, полученные посредством применения контент-анализа, не противоречат соблюдению требования наличия у научного объяснения эмпирического содержания, которое по крайней мере теоретически поддавалось бы проверке на достоверность при помощи наблюдения или эксперимента (ЛУЗ). Предшествующие условия в анализе пропаганды обычно можно подразделить на три основных типа: реальные события, расчеты политической элиты и стратегии пропаганды, — каждый из которых, очевидно, доступен наблюдению, по крайней мере в теории. Трудность заключается не в самом тезисе, а в практической невозможности получить прямые доказательства, которые бы послужили целям верификации выводов, сделанных относительно предшествующих условий.

Каждый сформулированный вывод, очевидно, носит гипотетический характер, поскольку не может быть проверен надлежащим образом. Это является неотъемлемой частью метода контент-анализа, используемого для формулировки выводов. Если эмпирические данные по интересующим нас предшествующим условиям были бы доступны в момент формулировки вывода, не было бы необходимости прибегать к контент-анализу с целью обнаружить эти предшествующие условия. Эта проблема возникает только из-за того, что искомое условие неизвестно напрямую и недоступно проверке эмпирическим путем.

В некоторых видах исследований эмпирические данные, необходимые для поддержки содержащей объяснение гипотезы либо вывода, станут доступными по истечении определенного периода времени. Такая возможность отсутствует в случае применения метода контент-анализа к пропаганде. В результате вероятно сложно улучшить качество механизмов анализа пропаганды посредством систематической диахронической оценки успехов и неудач, с которыми пришлось столкнуться исследователю. Учитывая происхождение материалов исследования, эмпирические данные для проверки предложенных выводов станут доступными только тогда, когда утратят практическую пользу для политических исследований, т. е. после поражения в войне, радикальной или революционной смены правительства или попросту с утратой актуальности. Например, подобные данные (официальные доклады нацистов, дневники, допросы захваченного в плен личного состава и т. д.) стали доступны для проверки многих выводов, которые были сформулированы ФКС и другими исследовательскими группами, только после окончания Второй мировой войны.

При отсутствии эмпирических данных для непосредственной верификации могут быть предприняты косвенные усилия. Одним из известных методов стало использование хроники исторических событий в качестве основы для уточнения достоверности ранее сформулированных выводов. Этот подход не исключает возможности ошибочных суждений, особенно характерных для тех выводов, которые обычно делаются в политических исследованиях, и, следовательно, не может служить удовлетворительным основанием для косвенной верификации. Так, например, вывод, что определенные характеристики контента демонстрируют желание установить дипломатически дружественные отношения с противником, не обязательно можно доказать фактом, что несколько месяцев спустя такое восстановление отношений действительно имеет место. Подобное желание может возникнуть уже после того, как вывод был сделан, либо вывод, являясь по сути верным, может основываться на неверных индикаторах контента или некорректной реконструкции стратегии пропаганды. Подобным об-

разом выводы аналитика не опровергнут и последующие события, которые, казалось бы, идут вразрез с его первоначальным суждением. Следовательно, факт отсутствия каких-либо шагов по восстановлению дружественных отношений может попросту означать, что изначальное решение двигаться в этом направлении изменилось и отнюдь не доказывает, что такое решение не было принято в тот момент, когда контентный аналитик сформулировал вывод.

Поскольку эмпирическое подтверждение результатов затруднительно и не всегда своевременно, контент-анализ принято относить к высокогипотетическому виду исследований по сравнению с прочими формами научного объяснения. В самом деле, элемент неопределенности всегда сопровождает политические исследования подобного рода. Как контентные аналитики, так и их клиенты были бы несказанно рады возможности проверить некоторые из своих предположений в ходе самого политического исследования. Однако то же ограничение в какой-то мере характерно и для прочих методов исследований, используемых при изучении таких явлений, как поведение элиты или стратегий, которые не представляется возможным изучить в условиях непосредственного наблюдения.

1. Требование соблюдения общих закономерностей. Формулируя вывод, контентные аналитики встречаются со значительными трудностями при попытке соблюсти требование соблюдения общих закономерностей. Даже сам процесс выработки гипотезы, предполагающей соотношение между контентными характеристиками (Р) и предшествующими условиями (А), явно не отвечает этому требованию и, следовательно, не может считаться научным объяснением явления.

Сложность данной проблемы не удивительна, если учесть зачаточное состояние современных знаний о политической коммуникации. Все доступные обобщения по поводу политической коммуникации часто лишены какой-либо конкретной значимости для формулировки вывода, а их потенциальная польза часто нивелируется неточным обозначением или неочевидной достоверностью. В результате, контентным аналитикам свойственно использовать подобные обобщения при доказательстве в качестве *ad hoc* постулатов или, как правило, лишь подразумевать эти данные при объяснении причин, которыми они аргументируют свой вывод. Более того, кажется, сам контентный аналитик сознательно или бессознательно не приводит удовлетворительного объяснения для подобных обобщений и не считает, что оно оказывает серьезную поддержку его выводам. (Стоит отметить, что контентные аналитики осознают необходимость выявления общих закономерностей, существенных для формулировки выводов, посредством специальных исследований в рамках контент-анализа.)

Как следствие, иногда в контент-анализе оспаривается само требование наличия общих

закономерностей на основании того, что хороший вывод не всегда возможно или обязательно заменить правилами. Этот тезис можно перефразировать следующим образом: в контент-анализе, как и в других разновидностях экспертного суждения, сформулировать достоверные выводы возможно, следуя от частного к частному, без формулирования любой исчерпывающей общей закономерности или же подтверждающего вывод обобщения. Отсутствие подобного правила, однако, не свидетельствует о верности или ошибочности вывода, сформулированного посредством контент-анализа. Чтобы проверить вывод на верность или ложность, нужно подвергнуть его эмпирической проверке, и не важно, можно ли сформулировать при этом общие закономерности или аргументацию, на базе которой он возник. Подобным образом, например, профессиональный игрок в покер обычно может определить, блефует ли его противник; для этой цели он будет использовать обобщения, но затруднится сформулировать основания для своего суждения. Пожалуй, если он постарается, ему удастся перечислить некоторые критерии, используемые им для формулирования вывода, но их неадекватность обнаружится, как только их попытается применить другой человек. Следовательно, можно сделать такое заключение: вероятно, в контент-анализе, как в покере, «профессионализм» носит интуитивный характер. Хотя профессионал использует обобщения в частном порядке, ему вряд ли удастся описать их сводом формальных правил.

Этот общий довод, хорошо знакомый по другим научным исследованиям, обычно опровергается исследователями научной мысли. К тому же существуют практические основания со стороны заинтересованных высших должностных лиц, из-за которых контентному аналитику выдвигают требования приводить существенную аргументацию в поддержку своих выводов. Аналогия с профессиональным игроком в покер не подходит в силу нескольких причин. Во-первых, статистическая основа покера хорошо известна, в отличие от анализа средств пропаганды. Профессионализм в покере возможен, однако отнюдь не очевидно, что сравнимое умение может быть достигнуто в исследованиях пропаганды. Тем более что в покере сделанный вывод как в отношении возможного блефа партнера по игре, так и в отношении его политики ставок и ходов можно проверить после каждой раздачи карт; с этого ракурса данный пример не подходит для описания способов формулировки выводов в контент-анализе. Ценность эмпирической проверки показательна в правиле, регулирующем необходимость платить за просмотр карт соперника. При благоприятных условиях в игре игрок может проверить свои выводы относительно техники игры соперника в течение короткого периода времени при помощи непосредственного наблюдения

за его игрой с различными наборами карт; к тому же он может применить полученные подобным образом знания при последующих раздачах. Как мы видим, обучаться подобным образом сложно в случае с исследованиями пропаганды. Наконец, из-за того, что покер — игра, рассчитанная на индивидуальных игроков, игрок в покер одновременно исследует интеллектуальные способности противника и принимает дальнейшие решения на основе собственного анализа. Контентный аналитик, напротив, является специалистом исключительно по интеллектуальным способностям и, следовательно, испытывает трудности, демонстрируя достоверность собственных выводов и профессионализм заинтересованным высшим должностным лицам.

По тем же причинам требование того, что гипотеза, содержащая вывод, должна быть поддержана существенной аргументацией, нельзя проигнорировать в политическом применении контент-анализа. Вывод, не поддержанный развернутой аргументацией, может оказаться верным, однако если можно сформулировать адекватные обобщения, важные для поддержки вывода, вероятность достоверности самого вывода повысится, а также возникнет возможность обучения методу других. Поскольку эмпирическая проверка выводов контент-анализа посредством определения профессионализма аналитика по его предшествующему опыту совершенно неосуществима, более значимой, следовательно, является самостоятельная проверка достоверности индивидуальных выводов в ходе исследования. Аргументация и обобщения, приводимые контентным аналитиком в поддержку выводов, обеспечивают такую возможность.

2. Точная характеристика явления, подвергающегося объяснению. Особенности подвергающегося объяснению явления (Р) должны быть предельно точно охарактеризованы в любом виде исследования; однако в контент-анализе это крайне затруднительно. Материалы пропаганды, которые обычно изучает контентный аналитик, могут получить большое количество всевозможных интерпретаций. В большей степени, чем в прочих формах научного объяснения, явления, подвергающиеся объяснению, не известны изначально и идентифицируются самим аналитиком. Проницательность и диагностические умения аналитика состоят в умении различить, какие аспекты контента (Р) можно соотнести с предшествующими условиями. Неточные характеристики (Р) могут иметь серьезные последствия, обозначенные ниже.

3. Логические отношения между объяснением и объяснением явления. Требование того, чтобы научное объяснение (т. е. предшествующие условия и общие закономерности) должно быть логически взаимосвязанным с явлением, которое подвергается объяснению, можно считать требованием, обязательным для контент-анализа. Это означает, что Р должно быть выво-

димо из А и G (требование ЛУ2). В случае с контент-анализом исследователь столкнется с различными трудностями в попытке соответствовать этому требованию по следующим причинам: а) поддерживающие обобщения не всегда всецело адекватны; б) не все существенные предшествующие условия могут быть выявлены; в) обозначение Р может быть неоднозначно.

В. ПРОБЛЕМА ЕДИНООБРАЗИЯ ТЕРМИНОВ В ОПИСАНИИ КОНТЕНТА

Современная наука своей целью ставит установление общих закономерностей причинно-вероятностного характера. Знание, которое не носит причинно-вероятностный характер, не существенно для науки и должно расцениваться как донаучное; не важно, сколь полезным оно может стать для повседневной жизни или специализированных отраслей.

Научное исследование основывается не на отдельных примерах, а на их общей характеристике или же выделении их типов. Иногда утверждается, что отдельно взятые или регулярно повторяющиеся человеческие действия обладают уникальностью, и следовательно, их невозможно охарактеризовать посредством обобщений, носящих причинно-вероятностный характер. Этот довод основывается на превратном понимании логического характера научного исследования и объяснения. Верно, что научное исследование стремится обнаружить схожие явления, и выявление причинных и вероятностных законов предполагает повторение самих явлений.

Однако явления, представляющие интерес для науки, скорее относятся к определенному типу, нежели являются единичными. Едва ли причинно-вероятностный закон утверждает, что явления с определенными и специфическими характеристиками сопровождаются или же имеют тенденцию сопровождаться событиями с иными определенными и специфическими характеристиками.

Для формулировки и проверки подобных законов требуется отнюдь не повторение одного и того же события, а отдельных событий, обладающих специфическими характеристиками. Ядром научного исследования должно стать именно повторение определенных типов событий, а не частные случаи. Неповторимость событий не уникальная черта человеческой истории. В физике, как и в психологии и других науках об обществе, частный случай уникален в том смысле, что он никогда не повторится со всеми присущими ему особенностями.

Именно в силу этих соображений те, кто совершил попытку разработать контент-анализ в качестве метода научного исследования коммуникации, настаивают на использовании единых терминов и категорий при описании контента. Это требование наиболее четко сформулировано в определении контент-анализа, которое предложили Натан Лейтес и Итэль де Сола Пул. На практике это означает, что язык, на ко-

тором происходит контентно-дискриптивное описание, должен быть более общим, чем язык исследуемого контента, а не идентичным ему. Отношения между выбором контентных категорий и попытками разработать систематичную теорию здесь рассмотрены не будут.

Требование единообразия в терминологии напрямую ассоциируется с квантитативным методом контент-анализа. Однако аналитики ФКС обнаружили, что квантитативные свойства языка обладают ограниченными возможностями для формулировки выводов. Последние в значительной степени зависят от качественных характеристик контента, не важно, были ли подобные характеристики представлены в изучаемой коммуникации.

Использовать единую терминологию при описании контента обычно удавалось именно в частотном подходе, а не в нечастотном подходе, который применяли аналитики ФКС. Например, употребление слова «контртеррор» Геббельсом в одной из речей было маркировано как существенное для формулировки вывода. В подобных примерах нечастотного подхода аналитики ФКС не предприняли попытки абстрагироваться или обобщить определенные характеристики слов, использовавшихся Геббельсом.

Возникает вопрос, является ли нарушение требования о наличии единой терминологии присущим формулировке выводов в нечастотном описании контента. Аналитики ФКС скорее стремились использовать оригинальный язык, нежели абстрактные тезисы, суммирующие его отдельные характеристики, в силу нескольких причин. Во-первых, коль скоро незамедлительный вывод в некоторых случаях можно сделать без обобщения индикаторов контента, возможно, аналитику он покажется и вовсе не обязательным. Во-вторых, поскольку попытка обобщить нечастотные индикаторы все равно рано или поздно потребует, эту задачу можно отложить, учитывая лихорадочный темп, в котором пришлось работать аналитикам ФКС. В-третьих, аналитики ФКС, вероятно, не желали обобщить нечастотные индикаторы в силу боязни посредством этого утратить значимость оригинального языкового события, которое было необходимо для формулировки выводов (как отмечалось ранее, для того чтобы сформулировать выводы, аналитики ФКС преимущественно обращали внимание на семантические компоненты пропаганды).

Все это, конечно, составляет лишь треть объяснений, проясняющих невозможность в полной мере соответствовать требованию научного объяснения в нечастотном контент-анализе.

Проблема сути нечастотного описания контента и его роли в формулировке выводов требует дальнейшего изучения. Вероятно, нечас-

тотные индикаторы в той или иной форме поддаются качественным измерениям. Однако остается неясным, являются ли доступные методы качественного измерения адекватными для решения поставленных задач и улучшит ли выводы в политических исследованиях их существенно возрастающая приблизительность, которая возникает в результате подобного подхода.

Дав ему оценку согласно формальным критериям, выдвинутому для современного научного исследования, нечастотный подход, вероятно, необходимо отнести к донаучному методу анализа. Не умаляя достоинств данного метода для политической сферы, следует отметить, что его вряд ли стоит незамедлительно и без веских на то оснований причислить к сугубо научному способу познания.

Нечастотный подход требует внимания с более широкой философской позиции, поскольку он, вероятно, таит в себе возможность восприятия хотя бы некоторых языковых и манипулятивных коммуникаций как уникальных, вследствие чего контентный аналитик может целостно осмыслить семантические компоненты речи говорящего и рассмотреть их в прагматическом измерении. Если обосновать подобную позицию, она будет оправдана, по крайней мере для решения задач конкретного исследования. Если семантические компоненты языка нельзя рассматривать в рамках научного исследования, можно доказать и то, что языковые модели, необходимые для анализа, не обладают причинно-вероятностным характером.

Стоит отметить, что аналитики ФКС, очевидно, разработали нечастотный контент-анализ, основываясь на особом способе построения выводов. Вероятно, для применения этого косвенного метода было необходимо попытаться понять семантические компоненты языка, используемого пропагандистами. По этой причине аналитики предпочли рассматривать языковые события как частные случаи для того, чтобы детально исследовать их коммуникативные и событийные контексты.

Однако стоит также отметить, что исследования аналитиками ФКС содержания пропагандистских коммуникаций часто отвечали требованию использования единой терминологии в описании. В этом случае они обычно прибегали к перечислению частотных индикаторов контента для формулировки выводов. Частотный подход применялся повсеместно, но всегда наряду с прямым методом формулирования выводов. Самое существенное ограничение подобного метода состояло в том, что для формулирования выводов отсутствовали адекватные обобщения, которые связали бы типы контентных характеристик с типами предшествующих условий, имеющих отношение к расчетам политической элиты.

Перевод рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Э. В. Будаев